

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

МИХАИЛ ШОЛОХОВ

НАХАЛЁНОК

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

МИХАИЛ ШОЛОХОВ

НАХАЛЁНОК

ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НОВОСИБИРСК, 1978

P2
III78

III $\frac{70803-011}{M143(03)-78}$ 75—78

© Издательство «Малыш», 1975

Снится Мишке, будто дед срезал в саду здоровенную вишнёвую хворостину, идёт к нему, хворостиной машет, а сам строго так говорит:

— А ну, иди сюда, Михайло Фомич, я те полохану по тем местам, откель ноги растут!..

— За что, дедуня? — спрашивает Мишка.

— А за то, что ты в курятнике из гнезда чубатой курицы все яйца покрал и на каруселю отнес, прокатал!..

— Дедуня, я нынешний год не катался на каруселях! — в страхе кричит Мишка.

Но дед степенно разгладил бороду да как топнет ногой:

— Ложись, пострелёныш, и спущай портки!..

Вскрикнул Мишка и проснулся. Сердце бьётся, словно в самом деле хворостины отпробовал. Чутьочку открыл левый глаз — в хате светло. Утренняя зорька теплится за окошком. Приподнял Мишка голову, слышит в сенцах голоса: мамка визжит, лопочет что-то, смехом захлёбывается, дед кашляет, а чей-то чужой голос: «Бу-бу-бу».

Протёр Мишка глаза и видит: дверь открылась, хлопнула, дед в горницу бежит, подпрыгивает, очки на носу у него болтаются. Мишка сначала подумал, что поп с певчими пришёл (на пасху когда приходил он, дед так же суетился), да следом за дедом прёт в горницу чужой боль-

шущий солдат в чёрной шинели и в шапке с лентами, но без козырька, а мамка на шее у него висит, воеет.

Посреди хаты стряхнул чужой человек мамку с шеи да как гаркнет:

— А где моё потомство?

Мишка струхнул, под одеяло забрался.

— Минюшка, сыночек, что ж ты спишь? Батянька твой со службы пришёл! — кричит мамка.

Не успел Мишка глазом моргнуть, как солдат сграбастал его, подкинул под потолок, а потом прижал к груди и ну рыжими усами, не на шутку, колоть губы, щёки, глаза. Усы в чём-то мокром, солёном. Мишка вырывается, да не тут-то было.

— Вон у меня какой большевик вырос!.. Скоро батьку перерастёт!.. Го-го-го!.. — кричит батянька и знай себе пестает Мишку — то на ладонь посадит, вертит, то опять до самой потолочной перекладины подкидывает.

Терпел, терпел Мишка, а потом брови сдвинул по-дедовски, строгость на себя напустил и за отцовы усы ухватился:

— Пусти, батянька!

— Ан вот не пущу!

— Пусти! Я уже большой, а ты меня, как детёнка, нянчишь!..

Посадил отец Мишку к себе на колено, спрашивает улыбаясь:

— Сколько же тебе лет, пистолет?

— Восьмой идёт, — поглядывая исподлобья, буркнул Мишка.

— А помнишь, сынушка, как в позапрошлом годе я тебе пароходы делал? Помнишь, как мы в пруду их пущали?

— Помню!..— крикнул Мишка и несмело обхватил руками батянькину шею.

Тут вовсе пошло развеселье: посадил отец Мишку верхом к себе на шею, за ноги держит и по горнице кругом, кругом, а потом как взбрыкнёт, как заржёт по-лошадиному, у Мишки от восторга аж дух занялся. Мать за рукав его тянет, орёт:

— Иди на двор, играйся!.. Иди, говорят тебе! — И отца просит: — Пусти его, Фома Акимыч! Пусти, пожалуйста!.. Не даст он и поглядеть на тебя, сокола ясного. Два года не видались, а ты с ним занимаешься!

Ссадил Мишку отец на пол и говорит:

— Беги с ребятами играйся, опосля придёшь, я тебе гостинцев дам.

Притворил Мишка за собой дверь, сначала думал послушать в сенцах, о чём будет разговор в хате, но потом вспомнил: никто ещё из ребят не знает, что пришёл батянька,— и через двор, по огороду, топча картофельные лунки, пыхнул к пруду.

Выкупался в вонючей, застоявшейся воде, обвалялся в песке, нырнул в последний раз и, чикиляя на одной ноге, натянул штанишки. Со всем было собрался идти домой, но тут подошёл к нему Витька — попов сынок.

— Не уходи, Мишка! Давай искупаемся и пойдём к нам играть. Тебе мамочка разрешила приходить к нам.

Мишка левой рукой поддернул сползающие штанишки, поправил на плече помочь и нехотя сказал:

— Я с тобой не хочу играть. У тебя из ушей воняет дюже!..

Витька ехидно прищурил левый глаз, сказал,

стаскивая с костлявых плеч вязаную рубашечку:
— Это от золотухи, а ты — мужик, и тебя мать под забором родила!..

— А ты видал?

— Я слышал, как наша кухарка рассказывала мамочке.

Мишка разгрёб ногой песок и глянул на Витьку сверху вниз:

— Брешет твоя мамочка! Зато мой батянька на войне воевал, а твой — кровожад и чужие пироги трескает!

— Нахалёнок!.. — кривя губы, крикнул попович.

Мишка схватил обточенный водой камешек-голыш, но попович сдержал слёзы и очень ласково улыбнулся:

— Ты не дерись, Миша, не сердись! Хочешь, я тебе отдам свой кинжал, какой из железа сделал?

Мишкины глаза блеснули радостью, отшвырнул в сторону голыш, но, вспомнив про отца, сказал гордо:

— Мне батянька лучшей твоего с войны принёс!

— Врё-ошь? — недоверчиво протянул Витька.

— Сам врешь!.. Раз говорю — принёс, значит — принёс!.. И заправское ружьё..

— Подумаешь, какой ты стал богатый! — завистливо усмехнулся Витька.

— И ишо у него есть шапка, а на шапке висят махры и золотые слова прописаны, как у гебя в книжках.

Витька долго думал, чем бы удивить Мишку, морщил лоб и почёсывал бледный живот.

— А мой папочка скоро будет архиреем, а твой был пастухом. Ага, что?..

Мишке надоело стоять, повернулся и пошёл к огороду. Попович его окликнул:

— Миша, Миша, я что-то скажу тебе?

— Говори.

— Подойди ко мне!..

Мишка подошёл и подозрительно скосился:

— Ну, говори!

Попович заплясал по песку на тоненьких кривых ножках, улыбаясь, злорадно крикнул:

— Твой отец — коммуняка! Вот как только помрёшь ты и душа твоя прилетит на небо, а бог и скажет: «За то, что твой отец был коммунистом, — отправляйся в ад!..» И начнут тебя там черти на сковородках поджаривать!..

— А тебя, думаешь, не зачнут поджаривать?

— Мой папочка — священник!.. Ты ведь дурак необразованный и ничего не понимаешь...

Мишке стало страшно. Повернулся и молча побежал домой.

У огородного плетня остановился, крикнул, грозя попovichу кулаком:

— Вот спрошу у дедушки. Коли брешешь — не ходи мимо нашего двора!

Перелез через плетень, к дому бежит, а перед глазами сковородка, а на ней его, Мишку, жарят... Горячо сидеть, а кругом сметана кипит и пенится пузырями. По спине мурашки, скорее бы до деда добежать, расспросить...

Как на грех, в калитке свинья застряла. Голова с той стороны, а сама с этой, ногами в землю упирается, хвостом крутит и пронзительно визжит. Мишка — выручать: попробовал калитку открыть — свинья хрипеть начинает. Сел на неё верхом, свинья поднатужилась, вывернула калитку, ухнула и — по двору к гумну вскачь.

Мишка пятками в бока её толкает, мчится так, что ветром волосы назад закидывает. У гумна соскочил — глядь, а дед на крыльце стоит и пальцем манит:

— Подойди ко мне, голубь мой!

Не догадался Мишка, зачем дед кличет, а тут опять про адскую сковородку вспомнил и — рысью к деду:

— Дедуня, дедуня, а на небе черти бывают?

— Я тебе зараз всыплю чертей!.. Поплюю в кой-какие места да хворостиной высушу!.. Ах ты, лихоманец вредный, ты на что ж это свинью объезжаешь?..

Сцапал дед Мишку за вихор, зовет из горницы мать:

— Поди на своего умника полюбуйся!

Выскочила мать:

— За что ты его?

— Как же за что? Гляжу, а он по двору на свинье скачет, аж ветер пыльцу схватывает!..

— Это он на супоросной свинье катался? — ахнула мать.

Не успел Мишка рта раскрыть, в свое оправдание, как дед снял ремешок, левой рукой портки держит, чтобы не упали, а правой Мишкину голову промеж колен просовывает. Выпорол и при этом очень строго говорил:

— Не езд на свинье!.. Не езд!..

Мишка вздумал было крик поднять, а дед и говорит:

— Значит, ты не жалеешь батяньку? Он с дороги уморился, прилёг уснуть, а ты крик подымаешь?

Пришлось замолчать. Попробовал брыкнуть деда ногой — не достал. Подхватила мать Мишку — в хату толкнула:

— Сиди тут!.. Я до тебя доберусь — не по-дедовски шкуру спущу!..

Дед в кухне на лавке сидит, изредка на Мишкину спину поглядывает.

Повернулся Мишка к деду, размазал кулаком последнюю слезу, сказал, упираясь в дверь задом:

— Ну, дедунюшка... попомни!

— Ты что ж это, поганец, деду грозишь?

Мишка видит, как дед снова расстёгивает ремень, и заблаговременно чуточку приоткрывает дверь.

— Значит, ты мне грозишь? — переспрашивает дед.

Мишка вовсе исчезает за дверью. Выглядывая в щёлку, пытливо караулит каждое движение деда, потом заявляет:

— Погоди, погоди, дедунюшка!.. Вот выпадут у тебя зубы, а я жевать тебе не буду!.. Хоть не проси тогда!

Дед выходит на крыльцо и видит, как по огороду, по зелёным лохматым коноплям ныряет Мишкина голова, мелькают синие штанишки. Долго грозит ему дед костылём, а у самого в бороде хоронится улыбка.

Для отца он — Минька. Для матери — Минюшка. Для деда — в ласковую минуту — пострелёныш, а в остальное время, когда дедовские брови седыми лохмотьями свисают на глаза, — «эй, Михайло Фомич, иди, я тебе уши оболтаю!»

А для всех остальных: для соседок-пересудок, для ребятишек, для всей станицы — Мишка и Нахалёнок.

Мишка собой щуплый, волосы у него с весны были — как лепестки цветущего подсолнеч-

ника, в июне солнце обожгло их жаром, взлохматило пегими вихрами; щеки, точно воробьиное яйцо, исконопатило веснушками, а нос от солнышка и постоянного купания в пруду облупился, потрескался шелухой. Одним хорош колченогенький Мишка — глазами. Из узеньких прорезей высматривают они, голубые и плутовские, похожие на не растаявшие крупинки речного льда.

Вот за глаза-то да за буйную непоседливость и любит Мишку отец. Со службы принёс он сыну в подарок старый-престарый зачерствевший от времени вяземский пряник и немножко приношенные сапожки. Сапоги мать завернула в полотенце и прибрала в сундук, а пряник Мишка в тот же вечер раскрошил на пороге молотком и съел до последней крошки.

На другой день проснулся Мишка с восходом солнца. Набрал из чугуна пригоршню степлившейся воды, размазал по щекам вчерашнюю грязь, просыхать выбежал на двор.

Мамка возится возле коровы, дед на завалинке посиживает. Подозвал Мишку:

— Скачи, пострелёныш, под амбар! Курица там кудахтала, должно, яйцо обронила.

Мишка деду всегда готов услужить: на четвереньках юркнул под амбар, с другой стороны вылез и — был таков! По огороду взбрыкивает, бежит к пруду, оглядывается — не смотрит ли дед? Пока добежал до плетня, ноги крапивой обстрекал. А дед ждёт, покряхтывает. Не дождался и пополз под амбар. Вымазался куриным помётом, жмурясь от парной темноты и больно стучаясь головой о перекладыны, дополз до конца.

— Экий ты дуралей, Мишка, право слово!

Ищешь, ищешь и не найдёшь!.. Разве курица, она будет тут нестись? Вот тут, под камешком, и должно быть яйцо. Где ты тут положишь, пострелёныш?

Деду в ответ тишина. Отряхнул с портов прилипшие комочки навоза, вылез из-под амбара. Щурясь, долго глядел на пруд, увидел Мишку и рукой махнул..

Ребята возле пруда окружили Мишку, спрашивают:

— Твой батянька на войне был?

— Был.

— А что он там делал?

— Известно что — воевал!..

— Брешешь!.. Он вшей там убивал и при кухне мослы грыз!..

Захотали ребята, пальцами в Мишку тычут, прыгают вокруг. От горькой обиды слёзы навернулись у Мишки на глаза, а тут ещё Витька-попович больно задел его.

— А твой отец коммунист?..— спрашивает.

— Не знаю...

— Я знаю, что коммунист. Папочка сегодня утром говорил, что он продал душу чертям. И ещё говорил, что всех коммунистов будут скоро вешать!..

Ребята примолкли, а у Мишки сжалось сердце. Батяньку его будут вешать — за что? Крепко сжал зубы и сказал:

— У батяньки большущее ружьё, и он всех буржуев поубивает!

Витька, выставив вперед ногу, сказал торжественно:

— Руки у него коротки! Папочка не даст ему святого благословения, а без святости он ничего не сделает!..

Прошка, сын лавочника, раздувая ноздри, толкнул Мишку в грудь и крикнул:

— А ты не дюже со своим батянькой!.. Он у моего отца товары забирал, как поднялась революция, а отец сказал: «Ну, нешто не перевернётся власть, а то Фомку-пастуха первого убью!..»

Наташка, Прошкина сестра, топнула ногой:

— Бейте его, ребята, что смотреть?!

— Бейте коммунячьего сына!..

— Нахалёнок!..

— Звездани его, Прошка!

Прошка взмахнул прутом и ударил Мишку по плечу. Витька-попович подставил ногу, и Мишка навзничь грузно шлёпнулся на песок.

Ребята заорали, кинулись на него. Наташка тоненько визжала и ногтями царапала Мишкину шею. Кто-то ногой больно ударил его в живот.

Мишка, страхнув с себя Прошку, вскочил и, виляя по песку, как заяц от гончих, пустился домой. Вслед ему засвистали, бросили камень, но догонять не побежали.

Только тогда перевёл Мишка дух, когда с головой окунулся в зелёную колючую заросль конопли. Присел на влажную пахучую землю, вытер с расцарапанной шеи кровь и заплакал: сверху, пробираясь сквозь листья, солнце старалось заглянуть Мишке в глаза, сушило на щеках слёзы и ласково, как маманька, целовало его в рыжую вихрастую маковку.

Сидел долго, пока не высохли глаза; потом встал и тихонько побрёл во двор.

Под навесом отец смазывает дёгтем колёса повозки. Шапка у него съехала на затылок, ленты висят, а синяя рубаха на груди в белых полосах. Подошёл Мишка боком и стал возле по-

возки. Долго молчал. Осмелившись, тронул ба-
тянькину руку, спросил шёпотом:

— Батя, ты на войне что делал?

Отец улыбнулся в рыжие усы, сказал:

— Воевал, сыночек!

— А ребята... гутарят, что ты там только
вшей убивал!..

Слёзы вновь перехватили Мишкино горло.
Отец засмеялся и подхватил Мишку на руки:

— Брешут они, мой родной! Я на пароходе
плавал. Большой пароход по морю ходит, вот
на нём-то я и плавал, а потом пошёл воевать.

— С кем ты воевал?

— С господами воевал, мой любонький. Ты
ещё мал, вот и пришлось мне на войну идти за
тебя. Про это и песня поётся.

Отец улыбнулся и, глядя на Мишку, прито-
пывая ногой, запел потихоньку:

Ой, Михаил, Михаля, Михалятко ты моё!

Не ходи ты на войну, нехай батька иде.

Батька — старенький, на свити нажився.

А ты — молоденький, тай ще не женився...

Мишка забыл про обиду, нанесённую ему
ребятами, и засмеялся — оттого, что у отца ры-
жие усы затопорщились над губой, как сибирь-
ки, из каких маманька веники вяжет, а под уса-
ми смешно шлёпают губы и рот раскрыт круг-
лой чёрной дыркой.

— Ты мне сейчас не мешай, Минька,— ска-
зал отец,— я повозку буду чинить, а вечером
спать ляжешь, и я тебе про войну всё расскажу!

День растянулся, как длинная глухая дорога
в степи. Солнце село, по станице прошёл табун,
улеглась пыль, и с почерневшего неба застенчи-
во глянула первая звёздочка.

Мишку одолевает нетерпение, а мать, как на-

рочно, долго провозилась у коровы, долго цедила молоко, в погреб полезла и там прокопалась битый час. Мишка вьюном около неё крутился.

— Скоро вечерять будем?

— Успеешь, непоседа, оголодал!..

Но Мишка ни на шаг не отстаёт от неё: мать в погреб — и он за ней, мать на кухню — и он следом. Пиявкой присосался, за подол уцепился, волочитя.

— Ма-а-амка!.. Скорейча вечерять!..

— Да отвяжись ты, короста липучая!.. Жрать захотел — взял кусок и лопай!

А Мишка не унимается. Даже подзатыльник, схваченный от матери, и тот не помог.

За ужином кое-как наспех поглотал хлёбова и — опрометью в горницу. Далеко за сундук швырнул штанишки, с разбегу нырнул в постель под материно одеяло, сшитое из разноцветных лоскутьев. Притаился и ждёт, когда придёт ба-тянька про войну рассказывать.

Дед на коленях стоит перед образами, шепчет молитвы, поклоны отстукивает. Приподнял Мишка голову: дед, трудно сгибая спину, пальцами левой руки в половицу упирается и лбом в пол — стук!.. А Мишка локтем в стену — бух!..

Дед опять пошепчет, пошепчет и поклон стучает. Мишка себе в стену бухает. Рассердился дед, повернулся к Мишке:

— Я тебе, окаянный, прости, господи!.. Постучи у меня, я те стукну!

Быть бы драке, но в горницу вошёл отец.

— Ты зачем же, Минька, тут лёг? — спрашивает.

— Я с маманькой сплю.

Отец сел на кровать и молча начал крутить усы. Потом, подумав, сказал:

— А я тебе в горнице с дедом постелил...

— Я с дедом не ляжу!..

— Это почему же?..

— У него от усов табаком дюже воняет!

Отец опять покрутил усы:

— Нет, сынок, ты уж ложись с дедом..

Мишка натянул на голову одеяло и, выглядывая одним глазом, обиженно сказал:

— Вчерась ты, батянька, лёг на моём месте и нынче... Ложись ты с дедом!

— Ну ладно, ляжу с дедом, а про войну рассказывать не буду.

Отец поднялся и пошёл в кухню.

— Батянька!

— Ну?

— Ложись уж тут...— вздыхая, сказал Мишка и встал.— А про войну расскажешь?

— Расскажу.

Дед лёг к стенке, а Мишку положил с краю. Немного погодя пришёл отец. Придвинул к кровати скамейку, сел и закурил вонючую сигарку.

— Видишь, оно какое дело было... Помнишь, за нашим гумном когда-то был посев лавочника?..

Мишке припомнилось, как раньше бегал он по душистой высокой пшенице. Перелезет через каменную огорожу гумна и—в хлеба. Пшеница с головой его хоронит, тяжёлые черноусые колосья щекочут лицо. Пахнет пылью, ромашкой и степным ветром. Маманька говорила, бывало, Мишке:

— Не ходи, Минюшка, далеко в хлеба, а то заблудишься!..

Батянька помолчал и сказал, глядя Мишку по голове:

— А помнишь, как ты со мной ездил за Песчаный курган? Хлеб наш там был...

И опять припомнилось Мишке: за Песчаным курганом вдоль дороги узенькая, кривая полоска хлеба. Приехал Мишка с отцом туда, а полоса вся скотом потравлена. Лежат грязными ворохами втолоченные в землю колосья, под ветром качаются пустые стебли. Помнит Мишка, как батянька, такой большой и сильный, страшно кривил лицо и по запылённым щекам его скупое текли слёзы, Мишка тоже плакал тогда, глядя на него...

Обратной дорогой спросил отец у бахчевника:

— Скажи, Федот, кто потравил мой хлеб?

Бахчевник сплюнул под ноги и ответил:

— Лавочник гнал скотину на рынок и нарочно запустил на твою полосу...

...Отец придвинул скамью ближе, заговорил:

— Лавочник и остальные богатеи позаняли всю землю, а бедным сеять было не на чем. Вот так везде было, не в одной нашей станице. Шибко обижали они нас тогда... Жить стало туго, нанялся я в пастухи, а потом забрали меня на службу. На службе мне было плохо, офицеры за всякую малость в морду били... А потом объявились большевики, и старшой у них — по прозвищу Ленин. Сам-то собой он вроде немудрящий, но ума дюже учёного, даром что наших, мужицких, кровей. Задали большевики нам такую заковырину, что мы и рты пораззявили. «Что вы, — говорят, — мужики и рабочие, раззяву-то ловите?.. Гоните господ и начальство в три шеи да поганой метлой! Всё — ваше!..»

Вот этими словами и растревожили они нас. Пораскинули мы умишками — верно. Отобрали у

господ землю и имения, но их затошнило от поганого житья, нащетинились и прут на нас, на мужиков и рабочих, войной... Понял, сынок?

А тот самый Ленин — старшой у большевиков — народ поднял, ровно пахарь полосу плугом. Собрал солдат и рабочих и ну наколупывать господ! Аж пух и перья с них летят! Стали солдаты и рабочие прозываться Красной гвардией. Вот и я был в Красной гвардии. Жили мы в большущем доме, звался он Смольным. Сенцы там, сынок, длинющие, и горниц так много, что заплутаться можно.

Стою я раз ночью, караулю вход. Холодно на дворе, а у меня одна шинель. Ветер так и нижеет... Только вышли из этого дома два человека и идут мимо меня. Подходят они ближе, и угадываю я в одном из них Ленина. Подошёл ко мне, спрашивает ласково:

— Не холодно вам, товарищ?

А я ему и говорю:

— Нет, товарищ Ленин, не то что холод, но и никакие враги не сломят нас! Не для того мы забрали власть в свои руки, чтобы отдать её буржуазам!..

Он засмеялся и руку мне жмёт крепко. А потом пошёл потихоньку к воротам.

Отец помолчал, достал из кармана кисет, зашелестел бумагой, закуривая, чиркнул спичкой, и на рыжем щетинистом усе увидел Мишка светлую и блестящую слезинку, похожую на каплю росы, какие по утрам висят на кончиках крапивных листьев.

— Вот какой он был. Обо всех заботу нёс. Об каждом солдате сердцем хворал... После этого часто я его видал. Идёт мимо меня, увидит ещё вон откель, улыбнётся и спрашивает:

— Так не сломят нас буржуи?

— В носе у них не кругло, товарищ Ленин! — бывало, скажу ему. По его слову и вышло, сынок! Землю и фабрики мы забрали, а богатеев — кровососов наших — по боку!.. Вырастешь — не забывай, что твой батянька матросом был и за коммунию четыре года кровь проливал. К тем годам и я помру и Ленин помрёт, а дело наше до веку живо будет!.. Когда вырастешь — будешь воевать за Советскую власть, как твой батяня воевал?

— Буду! — крикнул Мишка, вскочил на кровати, хотел с размаху повиснуть на батянькиной шее, да забыл, что рядом дед лежит, ногой на живот ему наступил.

Дед как крикнет, руку протянул, хотел сцапать Мишку за вихор, но батянька схватил Мишку на руки и понёс в горницу.

На руках у него Мишка и уснул. Сначала долго думал о диковинном человеке — Ленине, о большевиках, о войне, о пароходах. Сначала сквозь дрему слышал сдержанные голоса, ощущал сладкий запах пота и махорки, потом глаза слиплись, веки словно кто ладонями придавил.

Не успел уснуть, увидел во сне город: улицы широкие, куры в просыпанной золе купаются; на что в станице их многое-множество, а в городе куда больше. Дома точь-в-точь — как отец рассказывал: большущая хата, крытая свежим камышом, на трубе у неё стоит ещё одна хата, у той на трубе ещё одна, а труба самой верхней хаты в небо воткнулась.

Идёт Мишка по улице, голову кверху задирает, рассматривает, и вдруг, откуда ни возьмись, — шась ему навстречу высоченный человек в красной рубахе.

→ Ты, Мишка, почему без делов шляешься? — спрашивает он очень ласково.

— Меня дедуня пустил поиграть, — отвечает Мишка.

— А ты знаешь, кто я такой?

— Нет, не знаю...

— Я — товарищ Ленин!..

У Мишки со страху колени подогнулись. Хотел тягу задать, но человек в красной рубаше взял его, Мишку, за рукав и говорит:

— Совести у тебя, Мишка, и на ломаный грош нету! Хорошо ты знаешь, что я за бедный народ воюю, а почему-то в моё войско не поступаешь?..

— Меня дедуня не пускает!.. — оправдывается Мишка.

— Ну, как хочешь, — говорит товарищ Ленин, — а без тебя у меня — неуправка! Должен ты ко мне в войско вступить, и шабаш!..

Мишка взял его за руку и сказал очень твёрдо:

— Ну, ладно, я без спросу поступлю в твою войску и буду воевать за бедный народ. Но ежели дедуня меня за это зачнёт хворостиной драть, тогда ты за меня заступись!..

— Обязательно заступлюсь! — сказал товарищ Ленин и с тем пошёл по улице, а Мишка почувствовал, как от радости у него захватило дух, нечем дыхнуть; хочет он что-то крикнуть — язык присох...

Дрогнул Мишка на постели, брыкнул деда ногами и проснулся.

Дед во сне мычит, жуёт губами, а в оконце видно, как за прудом нежно бледнеет небо и розовой кровянистой пеной клубятся плывущие с востока облака.

С тех пор каждый вечер рассказывал отец Мишке про войну, про Ленина, про то, в каких краях бывал.

В субботу вечером сторож из исполкома привёл во двор низенького человека в шинели и с кожаным портфелем под мышкой. Подозвал деда, сказал:

— Вот привёл к вам на хватеру товарища советского сотрудника. Он прибывши из городу, и будет у вас ночевать. Дадите ему повечерять, дедушка.

— Оно, конечно, мы не прочь,— сказал дед.— А мандаты у вас имеются, господин товарищ?

Мишка удивился дедовой учёности и, засунув палец в рот, остановился послушать.

— Есть, дедушка, всё есть! — улыбнулся человек с кожаным портфелем и пошёл в горницу.

Дед за ним, а Мишка за дедом.

— Вы по каким же делам к нам прибыли? — дорёгой спросил дед.

— Я приехал перевыборы проводить. Будем выбирать председателя и членов Совета.

Немного погодя пришёл с гумна отец. Поздоровался с чужим человеком и велел маманьке собирать ужинать. После ужина отец и чужак сели на лавке рядом. Чужак расстегнул кожаный портфель, достал оттуда пачку бумаг и начал отцу показывать. Мишке не терпится, вьётся около, хочет взглянуть. Взял отец одну бумажку, Мишке показывает:

— Гляди, Минька, вот это самый и есть Ленин!

Мишка вырвал у отца из рук карточку, впился в неё глазами и рот от удивления раскрыл: на бумаге стоит во весь рост небольшой

человек, вовсе даже не в красной рубашке, а в пиджаке. Одна рука в карман штанов засунута, а другой вперёд себя показывает. Упёрся Мишка в него глазами, в один миг всего ощупал: крепко, навовсе, навсегда вобрал в память изогнутые брови, улыбку, притаившуюся во взгляде и в углах губ, каждую чёрточку лица запомнил.

Чужак взял из рук у Мишки карточку, защёлкнул на замок портфель и пошёл спать. Уже разделся, лёг и закрылся шинелью, начал засыпать, когда услышал скрип двери. Приподнял голову:

— Кто это?

По полу шлёпают чьи-то босые ноги.

— Кто там? — спросил он снова и около кровати неожиданно увидел Мишку.

— Тебе чего, малыш?

Мишка минуту постоял молча, потом, набравшись смелости, шёпотом сказал:

— Ты, дяденька, вот чего.., ты.. отдай мне Ленина!..

Чужак молчит, голову свесил с кровати и смотрит на него.

Страх охватил Мишку: ну, как заскупится и не даст? Стараясь одолеть дрожь в голосе, торопясь и захлёбываясь, зашептал:

— Ты мне отдай его навовсе, а я тебе.. я тебе подарю жестяную коробку хорошую и ишо отдам все как есть бабки, и...— Мишка с отчаянием махнул рукой и сказал: — И сапоги, какне мне батянька принёс, отдам!

— А зачем тебе Ленин? — улыбаясь, спросил чужак.

«Не даст!..» — мелькнула у Мишки мысль. Нагнул голову, чтобы не видно было слёз, сказал глухо:

— Значит, надо!

Чужак засмеялся, достал из-под подушки портфель и подал Мишке карточку. Мишка её под рубаху, к груди прижал, к сердцу крепко-накрепко, и — рысью из горницы.

Дед проснулся, спрашивает:

— Ты чего бродишь, полуношник? Говорил тебе, не пей на ночь молока, а теперь вот приспичило!.. Помочись в помойное ведро, мне тебя на двор водить вовсе без надобности!

Мишка молчком лёг, карточку обеими руками тискает, повернуться страшно: как бы не измять. Так и уснул.

Проснулся ни свет ни заря. Маманька только корову выдоила и прогнала в табун. Увидела Мишку, руками всплеснула:

— Что тебя лихоманец мучает! Это зачем в такую рань поднялся?

Мишка карточку под рубахой жмёт, мимо матери на гумно, под амбар юркнул.

Вокруг амбара растут лопухи и зелёной непролазной стеной щетинится крапива. Заполз Мишка под амбар, пыль и куриный помёт разгрёб ладонью, сорвал пожелтевший от старости лист лопуха, завернул в него карточку и камешком привалил, чтоб ветер не унёс.

С утра до вечера шёл дождь. Небо закрылось сизым пологом, во дворе пенились лужи, по улице бежали наперегонки ручьи.

Пришлось Мишке сидеть дома. Уже смеркалось, когда дед и отец собрались и пошли в исполком на собрание. Мишка натянул дедов картуз и пошёл следом. Исполком помещается в церковной сторожке. По кривым, грязным ступенькам влез, кряхтя, Мишка на крыльцо и прошёл в комнату. Под потолком ползает табачный

дым, народу полным-полно. У окна за столом сидит чужак, что-то рассказывает собравшимся казакам.

Мишка потихоньку пробрался на самый зад и сел на скамью.

— Кто за то, товарищи, чтобы Фома Коршунов был председателем? Прошу поднять руки!

Сидевший впереди Мишки Прохор Лысенков, зять лавочника, крикнул:

— Граждане!.. Прошу снять его кандидатуру. Он нечестного поведения. Ишо когда пастухом табун наш стерёг, замечен был.

Мишка увидал, как Федот-сапожник встал с подоконника, закричал, махая руками:

— Товарищи, богатеям нежелательно в председатели пастуха Фому, но как он есть пролетарьят и за Советскую власть..

Зажиточные казаки, стоявшие кучей около двери, затопали ногами, засвистали. Шум поднялся в исполкоме.

— Не нужен пастух!

— Пришёл со службы — нехай к миру в пастухи нанимается!..

— Не хотим Фому Коршунова!

Мишка глянул на бледное лицо отца, стоявшего возле скамьи, и сам побелел от страха за него.

— Тише, товарищи!.. С собранья буду удалять!..— орал чужак, грохая по стулу кулаком.

— Своего человека из казаков выберем!..

— Не нужен!..

— Не хо-о-тим!..— шумели казаки, и пуще всех Прохор, зять лавочника.

Здоровый рыжебородый казак с серьгой в ухе и в рваном, заплатанном пиджаке вскочил на скамью:

— Братцы!.. Вон оно куда дело заворачивает!.. Нахрапом желают богатеи посадить в председатели своего человека! А там опять...

Сквозь стонущий рёв Мишка слышал только отдельные слова, которые выкрикивал казак с серьгой:

— Землю... переделы... бедноте суглинок... чернозём заберут себе...

— Прохора в председатели!..— гудели около дверей.

— Про-охор-ра!.. Го-го-го... Га-га-га!..

Насилу угомонились. Чужак, хмуря брови, долго что-то выкрикивал.

«Должно, ругается»,— подумал Мишка.

Чужак громко спросил:

— Кто за Фому Коршунова?

Над скамьями поднялось много рук. Мишка тоже поднял руку. Кто-то, перепрыгивая со скамьи на скамью, громко считал:

— Шестьдесят три... шестьдесят четыре,— не глядя на Мишку, указал пальцем на его поднятую руку, выкрикнул:— Шестьдесят пять!

Чужак что-то записал на бумажке, крикнул:

— Кто за Прохора Лысенкова, прошу поднять!

Двадцать семь казаков-богатеев и Егор-мельник дружно подняли руки. Мишка поглядел вокруг и тоже поднял руку. Человек, считавший голоса, поравнялся с ним, глянул сверху вниз и больно ухватил его за ухо.

— Ах ты, шпанёнок!.. Метись отсель, а то я тебе всыплю! Тоже голосует!..

Кругом засмеялись, а человек подвёл Мишку к выходу, толкнул в спину. Мишка вспомнил, как говорил отец, ругаясь с дедом, и, сползая по скользким, грязным ступенькам, крикнул:

— Таких прав не имеешь!

— Я тебе покажу права!..

Обида была, как и все обиды, очень горькая. Придя домой, Мишка всплакнул малость, пожаловался матери, но та сердито сказала:

— А ты не ходи, куда не след! Во всякую дыру нос суёшь! Наказание мне с тобой, да и только!

На другой день утром сели за стол завтракать, не успели кончить, услышали далёкую, глухую от расстояния музыку. Отец положил ложку, сказал, вытирая усы:

— А ведь это военный оркестр!

Мишку как ветром сдуло с лавки. Хлопнула дверь в сенцах, за окошком слышно частое «туп-туп-туп-туп...»

Вышли во двор и отец с дедом, маманька до половины высунулась из окна. В конце улицы зелёной колыхающейся волной вливались ряды красноармейцев. Впереди музыканты дуют в большущие трубы, грохает барабан, звон стоит над станицей.

У Мишки глаза разбежались. Растерянно закружился на одном месте, потом рванулся и подбежал к музыкантам. В груди что-то сладко защемило, подкатилось к горлу... Глянул Мишка на запылённые весёлые лица красноармейцев, на музыкантов, важно надувших щёки, и сразу, как отрубил, решил: «Пойду воевать с ними!..»

Вспомнил сон, и откуда только смелость взялась. Уцепился за подсумок крайнего:

— Вы куда идёте? Воевать?

— А то как же? Ну да, воевать!

— А за кого вы воюете?

— За Советскую власть, дурашка! Ну, иди сюда, в серёдку.

Толкнул Мишку в середину рядов, кто-то, смеясь, щёлкнул его по вихрастому затылку, другой на ходу достал из кармана измазанный кусок сахара, сунул ему в рот. На площади откуда-то из передних рядов крикнули:

— Сто-о-ой!..

Красноармейцы остановились, рассыпались по площади, густо легли в холодке, под тенью школьного забора. К Мишке подошёл высокий бритый красноармеец с шашкой на боку. Спросил, морща губы в улыбке:

— Ты откуда к нам приبلудился?

Мишка напустил на себя важность, поддёрнул сползающие штанишки:

— Я иду с вами воевать!

— Товарищ комбат, возьми его в помощники! — крикнул один из красноармейцев.

Кругом захохотали. Мишка часто заморгал, но человек с чудным прозвищем «комбат» нахмурил брови, крикнул строго:

— Ну, чего ржёте, дурачьё? Разумеется, мы возьмём его, но с условием...— Комбат повернулся к Мишке и сказал: — На тебе штаны с одной помочью, так нельзя, ты нас осрамишь своим видом!.. Вот, погляди: на мне две помочи, и на всех по две. Беги, пусть тебе матка пришьёт другую, а мы тебя подождём тут...— потом он повернулся к забору, крикнул, подмигивая:— Терещенко, пойдя принеси новому красноармейцу ружьё и шинель!

Один из лежавших под забором встал, приложил руку к козырьку, ответил:

— Слушаюсь! — и быстро пошёл вдоль забора.

— Ну, живо беги! Пусть матка поскорее пришьёт другую помочь!..

Мишка строго взглянул на комбата:

— Ты, гляди, не обмани меня!

— Ну что ты? Как можно!..

От площади до дома далеко. Пока добежал Мишка до ворот — запыхался. Дух не переведёт. Возле ворот на бегу скинул штанишки и, мелькая босыми ногами, вихрем ворвался в хату.

— Маманька!.. Штаны!.. Помочь пришей!..

В хате тишина. Над печью чёрным роем гудят мухи. Обежал Мишка двор, гумно, огород — ни отца, ни матери, ни деда нет. Вскочил в горницу — на глаза попался мешок. Отрезал ножом длинную ленту, пришивать некогда, да и не умеет Мишка. Наскоро привязал её к штанам, перекинул через плечо, ещё раз привязал спереди и — опрометью под амбар.

Отвалил камень, глянул мельком на ленинскую руку, указывающую на него, Мишку, шепнул, переводя дух:

— Ну, вот видишь?.. И я поступил в твою войску!..

Бережно завернул карточку в лопух, сунул за пазуху и по улице вскачь. Одной рукой карточку к груди жмёт, другой штанишки поддёргивает. Мимо соседского плетня бежал, крикнул соседке:

— Анисимовна!

— Ну?

— Перекажи нашим, чтоб обедали без меня!..

— Ты куда летишь, сорванец?

Мишка махнул рукой:

— На службу ухожу!

Добежал до площади и стал как вкопанный. На площади — ни души. Под забором папирос-

ные окурки, коробки от консервов, чьи-то изорванные обмотки, а в самом конце станицы глухо гремит музыка, слышно, как по утрамбованной дороге гоцают шаги уходящих.

Из Мишкиного горла вырвалось рыдание, вскрикнул и что есть мочи побежал догонять. И догнал бы, обязательно догнал, но против двора кожевника лежит поперёк дороги жёлтый хвостатый кобель, зубы скалит. Пока перебежал Мишка на другую улицу — не слышно ни музыки, ни топота ног.

Дня через два в станицу пришел отряд человек в сорок. Солдаты были в седых валенках и замасленных рабочих пиджаках. Отец пришёл из исполкома обедать, сказал деду:

— Приготовь, папаша, хлеб в амбаре. Продотряд пришёл. Развёрстка начинается.

Солдаты ходили по дворам: щупали штыками землю в сараях, доставали зарытый хлеб и свозили на подводах в общественный амбар.

Пришли к председателю. Передний, посасывая трубку, спросил у деда:

— Зарывал хлеб, дедушка? Признавайся!..

Дед разгладил бородку и с гордостью сказал:

— Ведь у меня сын-то коммунист!

Прошли в амбар. Солдат с трубкой отмерил взглядом закрома и улыбнулся:

— Отвези, дедушка, вот из этого закрома, а остальное тебе на прокорм и на семена.

Дед запряг в повозку старого Савраску, покряхтел, постонал, насыпал восемь мешков, сокрушённо махнул рукой и повёз к общественному амбару. Маманька, хлеб жалеючи, немного поплакала, а Мишка помог деду насыпать зерно в мешки и пошёл к попову Витьке играть.

Только что сели в кухне, разложили на полу вырезанных из бумаги лошадей,— в кухню вошли те же солдаты. Батюшка, путаясь в подряснике, выбежал навстречу им, засуетился, попросил пройти в комнаты, но солдат с трубкой строго сказал:

— Пойдёмте в амбар! Где у вас хлеб хранится?

Из горницы выскочила растрёпанная попадья, улыбнулась воровато:

— Представьте, господа, у нас хлеба ничуть нету!.. Муж ещё не ездил по приходу...

— А подпол у вас есть?

— Нет, не имеется... Мы хлеб раньше держали в амбаре...

Мишка вспомнил, как вместе с Витькой лазил он из кухни в просторный подпол, сказал, поворачивая голову к попадье:

— А из кухни мы с Витькой лазили в подпол, забыла?

Попадья, бледнея, рассмеялась:

— Это ты спутал, деточка!.. Витя, вы бы пошли в сад поиграли!..

Солдат с трубкой, прищунив глаза, улыбнулся Мишке:

— Как же туда спуститься, малец?

Попадья хрустнула пальцами, сказала:

— Неужели вы верите глупому мальчишке? Я вас уверяю, господа, что подпола у нас нет!

Батюшка, махнув полами подрясника, сказал:

— Не угодно ли, товарищи, закусить? Пройдёмте в комнаты!

Попадья, проходя мимо Мишки, больно щипнула его за руку и ласково улыбнулась:

— Идите, детки, в сад, не мешайте здесь!

Солдаты перемигнулись и пошли по кухне, постукивая по полу прикладами винтовок. У стены отодвинули стол, сковырнули дерюгу. Солдат с трубкой приподнял половицу, заглянул в подпол и покачал головой:

— Как же вам не стыдно? Говорили — хлеба нет, а подпол доверху засыпан пшеницей!..

Попадья взглянула на Мишку такими глазами, что ему стало страшно и захотелось поскорее домой. Встал и пошёл на двор. Следом за ним в сенцы выскочила попадья, всхлипнула и, вцепившись Мишке в волосы, начала его возить по полу.

Насилу вырвался, пустился без огляду домой. Захлёбываясь слезами, рассказал всё матери; та только за голову ухватилась:

— И что я с тобой буду делать?.. Иди с моих глаз долой, пока я тебя не отбузда!..

С тех пор всегда, после каждой обиды, заползал Мишка под амбар, отваливал камешек, разворачивал лопух и, смачивая бумагу слезами, рассказывал Ленину о своём горе и жаловался на обидчика.

Прошла неделя. Мишка скучал. Играть не с кем. Соседские ребята не водились с ним, к прозвищу Нахалёнок прибавилось ещё одно, замствованное от старших. Вслед Мишке кричали:

— Эй ты, коммунёнок!

Как-то пришёл Мишка с пруда домой перед вечером; не успел в хату войти, услышал, как отец говорит резким голосом, а маманька голосит и причитает, ровно по мёртвому. Проскользнул Мишка в дверь и видит: отец шинель свою скатал и сапоги надевает.

— Ты куда идёшь, батянька?

Отец засмеялся, ответил:

— Уйми ты, сынок, мать!.. Душу она мне вынает своим рёвом. Я на войну иду, а она не пускает!..

— И я с тобой, батянька!

Отец подпоясался ремнём и надел шапку с лентами.

— Чудак ты, право! Нельзя нам обоим уходить сразу!.. Вот я вернусь, потом ты пойдёшь, а то хлеб поспеет, кто же его будет убирать? Мать по хозяйству, а дед — старый!..

Мишка, прощаясь с отцом, сдержал слёзы, даже улыбнулся. Маманька, как и в первый раз, повисла у отца на шее, насилу он ее стряхнул, а дед только крикнул, целуя служивого, шепнул ему на ухо:

— Фомушка... сынок!.. Может, не ходил бы? Может, без тебя как-нибудь?.. Неровен час, убьют, пропадём мы тогда!..

— Брось, батя... Негоже так. Кто же будет оборонять нашу власть, коли каждый хорониться полезет?

— Ну, что ж, иди, ежели твоё дело правое.

Отвернулся дед и незаметно смахнул слезу. Провожать отца пошли до исполкома. Во дворе исполкомском толпятся человек двадцать с винтовками. Отец тоже взял винтовку и, поцеловав Мишку в последний раз, вместе с остальными зашагал по улице на край станицы.

Обратно домой шёл Мишка вместе с дедом. Маманька, покачиваясь, тянулась сзади. По станице реденький собачий лай, реденькие огни. Станица покрылась ночной темнотой, словно старуха чёрным полушалком. Накрапывал дождик, где-то за станицей над степью резвилась молния и глухими рассыпчатыми ударами бухал гром.

Подошли к дому. Мишка, молчавший всю дорогу, спросил у деда:

— Дедуня, а на кого батяня пошёл воевать?

— Отвяжись!..

— Дедуня!

— Ну?

— С кем батянька будет воевать?

Дед заложил ворота засовом, ответил:

— Злые люди объявились по суседству с нашей станицей. Народ их кличет бандой, а по-моему — просто разбойники... Вот отец твой и пошёл с ними сражаться.

— А много их, дедушка?

— Болтают, что около двухсот... Ну, иди, пострелёныш, спать, будет тебе околачиваться!

Ночью Мишку разбудили голоса. Проснулся, полапал по кровати — деда нет.

— Дедуня, где ты?

— Молчи!.. Спи, неугомонный!

Мишка встал и ощупью в потёмках добрался до окна. Дед в одних исподниках сидит на лавке, голову высунул в раскрытое окно, слушает.

Прислушался Мишка и в немой тишине ясно услышал, как за станицей часто затарахтели выстрелы, потом размеренно захлопали залпы.

Трах!.. Тра-тра-рах!.. Та-трах!..

Будто гвозди вбивают.

Мишку охватил страх. Прижался к деду, спросил:

— Это батянька стреляет?

Дед промолчал, а мать снова заплакала и запричитала.

До рассвета слышались за станицей выстрелы, потом всё смолкло. Мишка калачиком свернулся на лавке и уснул тяжёлым нерадостным сном. На заре по улице к исполкому проскакала

куча всадников. Дед разбудил Мишку, а сам выбежал во двор.

Во дворе исполкома чёрным столбом вытянулся дым, огонь перекинулся на постройки. По улицам засновали конные. Один подскакал к двору, крикнул деду:

— Лошадь есть, старик?

— Есть...

— Запрягай и езжай за станицу! В хворосте ваши коммунисты лежат!.. Навали и вези, нехай родственники заруют их!..

Дед быстро запряг Савраску, взял в дрожащие руки вожжи и рысью выехал со двора.

Над станицей поднялся крик, спешившиеся бандиты тащили с гумен сено, резали овец. Один соскочил с лошади возле двора Анисимовны, вбежал в хату. Мишка услышал, как Анисимовна завывала толстым голосом. А бандит, брякая шашкой, выбежал на крыльцо, сел, разулся, разорвал пополам цветастую праздничную шаль Анисимовны, сбросил свои грязные портянки и обернул ноги половинками шали.

Мишка вошёл в горницу, лёг на кровать, придавил голову подушкой, встал только тогда, когда скрипнули ворота. Выбежал на крыльцо, увидел, как дед с бородой, мокрой от слёз, вводит во двор лошадь.

Сзади на повозке лежит босой человек, широко разбросав руки, голова его, подпрыгивая, стучается об задок, течёт на доски густая, чёрная кровь...

Мишка, качаясь, подошёл к повозке, заглянул в лицо, искромсанное сабельными ударами: видны оскаленные зубы, щека висит, а на заплывшем кровью глазе, покачиваясь, сидит большая зелёная муха.

Мишка, не догадываясь, мелко подрагивая от ужаса, перевёл взгляд и, увидев на груди, на матросской рубахе, синие и белые полосы, залитые кровью, вздрогнул, словно кто-то сзади ударил его по ногам,— широко раскрытыми глазами взглянул ещё раз в недвижимое чёрное лицо и прыгнул на повозку:

— Батянюшка, встань! Батянюшка, миленький!..— Упал с повозки, хотел бежать, но ноги подвернулись, на четвереньках прополз до крыльца и ткнулся головой в песок.

У деда глаза глубоко провалились внутрь, голова трясётся и прыгает, губы шепчут что-то беззвучно.

Долго молча гладил Мишку по голове, потом, поглядывая на мать, лежавшую плашмя на кровати, щепнул:

— Пойдём, внучек, во двор...

Взял Мишку за руку и повёл на крыльцо. Мишка, шагая мимо дверей горницы, зажмурил глаза, вздрогнул: в горнице на столе лежит батянька, молчаливый и важный. Кровь с него обмыли, но у Мишки перед глазами встаёт батянькин остекленевший кровянистый глаз и большая зелёная муха на нём.

Дед долго отвязывал у колодца верёвку; пошёл в конюшню, вывел Савраску, зачем-то вытер ему пенистые губы рукавом, потом надел на него узду, прислушался: по станице крики, хохот. Мимо двора едут верхами двое, в темноте посверкивают сигарки, слышны голоса:

— Вот мы им и сделали развёрстку!.. На том свете будут помнить, как у людей хлеб забирать!..

Переборы лошадиных копыт умолкли, дед нагнулся к Мишкиному уху, зашептал:

— Стар я... не влезу на коня... Посажу я тебя, внучек, верхом, и езжай ты с богом на хутор Пронин... дорогу я тебе укажу... Там должен быть этот отряд, какой с музыкой шёл через нашу станицу. Скажи им, нехай идут в станицу: тут, мол, банда!.. Понял?..

Мишка молча кивнул головой. Посадил его дед верхом, ноги привязал к седлу верёвкой, чтобы не упал, и через гумно, мимо пруда, мимо бандитской заставы провёл Савраску в степь.

— Вот в бугор пошла балка, над ней езжай, никуда не свиливай!.. Прямо в хутор приедешь. Ну, трогай, мой родный!

Поцеловал дед Мишку и тихонько ударил Савраску ладонью.

Ночь месячная, видная. Савраска трюхает мелкой рысцей, пофыркивает и, чуя на спине лёгонькую ношу, убавляет шаг. Мишка трогает его поводьями, хлопает рукой по шее, трясётся, подпрыгивая.

Перепела бодро посвистывают где-то в зелёной гущине зреющих хлебов. На дне балки звенит родниковая вода, ветер тянет прохладой.

Мишке страшно одному в степи, обнимает руками тёплую Савраскину шею, жмётся к нему маленьким зябким комочком.

Балка ползёт в гору, спускается, опять ползёт в гору. Мишке страшно оглянуться назад, шепчет, стараясь не думать ни о чём. В ушах у него застывает тишина, глаза закрыты.

Савраска мотнул головой, фыркнул, прибавил шагу. Чутьочку приоткрыл Мишка глаза — увидел внизу, под горой, бледно-жёлтые огоньки. Ветром донесло собачий лай.

Тёплой радостью на минуту согрелась Мишкина грудь. Толкнул Савраску ногами, крикнул:

— Но-о-о-о-о!..

Собачий лай ближе, видны на пригорке смутные очертания ветряка.

— Кто едет? — окрик от ветряка.

Мишка молча понукает Савраску. Над сонным хутором заголосили петухи.

— Стой! Кто едет?.. Стрелять буду!..

Мишка испуганно натянул поводья, но Савраска, почуявший близость лошадей, заржал и рванулся, не слушаясь поводьев.

— Сто-о-ой!..

Около ветряка ахнули выстрелы. Мишкин крик потонул в топоте конских ног. Савраска захрипел, стал в дыбки и грузно повалился на правый бок.

Мишка на мгновение ощутил страшную, непереносимую боль в ноге, крик присох у него на губах. Савраска наваливался на ногу всё тяжелее и тяжелее.

Лошадиный топот ближе. Подскакали двое, звякая шашками, прыгнули с лошадей, нагнулись над Мишкой:

— Мать родная, да ведь это парнишка!..

— Неужто ухлопали?!

Кто-то сунул Мишке за пазуху руку, близко в лицо дохнул табаком. Чей-то обрадованный голос сказал:

— Он целенький!.. Никак, ногу ему конь раздавил?..

Теряя сознание, прошептал Мишка:

— Банда в станице.. Батяньку убили.. Сполком сожгли, а дедуня велел вам скорейча ехать туда!

Перед тускнеющим Мишкиным взором поплыли цветные круги. Прошёл мимо батянька, усы рыжие крутит, смеётся, а на глазу у него си-

дит, покачиваясь, большая зелёная муха. Дед прошагал, укоризненно качая головой, маманька, потом маленький лобастый человек с протянутой рукой, и рука указывает прямо на него, на Мишку.

— Товарищ Ленин!..— вскрикнул Мишка глухнувшим голосом, сиюсь, приподнял голову — и улыбнулся, протягивая вперёд руки.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Ты прочёл, юный читатель, о судьбе одного мальчика, которому, наверное, даже лет было чуть меньше, чем тебе... Ты узнал о событиях далёких, но и сегодня живущих в памяти тех, кто в жестоких схватках с врагами отстаивал тебя, твою будущность.

Рассказ «Нахалёнок» написал Михаил Александрович Шолохов, чьё имя известно не только в нашей стране, но и далеко за её пределами. Даже на карте всей нашей планеты найдётся не так много стран, где бы люди не читали книги Михаила Шолохова — «Тихий Дон», «Поднятую целину», «Судьбу человека», «Они сражались за Родину». Мы все гордимся, что живём в одной стране и в одно время с таким писателем, как Михаил Шолохов.

Родился и вырос будущий писатель на берегах реки, которую народ издавна ласково зовёт — «наш батюшка тихий Дон». Родной стороне и посвятил своё творчество писатель, дышавший с детства чудесным степным воздухом, любовавшийся неоглядными степными просторами, речными далями, которые он навсегда принял в своё сердце. Был Шолохов участником войн — гражданской и Великой Отечественной. Он всегда находился и находится среди простых людей. Постоянно встречаясь с хлеборобами, пастухами, рыбаками, охотниками, писатель

хорошо изучил народную речь, и поэтому его герои говорят красочно, выразительно, с доброй усмешкой, которая сродни пословицам, сказкам, песням.

Когда Шолохов начинал свою писательскую работу, то его сравнивали с молодым орлёнком, расправляющим могучие крылья. Теперь, когда писатель перешагнул своё семидесятилетие, мы можем сказать, что высоко над родной землёй, обозревая всю её могучим взглядом, парит орёл.

Евг. ОСЕТРОВ

Шолохов
Михаил Александрович

НАХАЛЕНОК

Для младшего школьного возраста

Ответственный редактор Л. В. Белявская
Технический редактор М. Н. Коротаяева
Художественный редактор А. Н. Тобух
Корректор О. М. Кухно

Сдано в набор 20 июля 1977 г. Подписано к печати 22 октября 1977 г. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 1. 2,10 печ. л., 1,43 изд. л. Тираж 200 000. Заказ № 44. Цена 5 коп.

Западно-Сибирское книжное издательство,
Новосибирск, Красный проспект, 32.
Полиграфкомбинат, Новосибирск,
Красный проспект, 22.

Сканирование - *Беспалов, Николаева*
DjVu-кодирование - *Беспалов*

Цена 5 коп.

ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

МИХАИЛ ШОЛОХОВ

НАХАЛЁНОК